

Столыпинская аграрная реформа и производительность сельского хозяйства Европейской России в конце XIX — начале XX века¹

И. А. Кузнецов

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник РАНХиГС. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: repytwd68@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются связи между мероприятиями аграрной реформы П. А. Столыпина и показателями сельскохозяйственного развития России. В качестве источника данных используются различные официальные статистики: статистика урожаев Центрального статистического комитета, статистика хлебных цен и землеустройства Главного управления землеустройства и земледелия, данные Министерства внутренних дел о выходах крестьян из общины, данные обследования хуторов и отрубов, проведенного ГУЗиЗ в 1913 году. Привлекаются также данные о высоте дохода незерновых отраслей растениеводства, дохода животноводства и стоимости товарной продукции с единицы сельскохозяйственной площади накануне Первой мировой войны, заимствованные из литературы. На основе анализа статистики опровергается утверждение, что пик прогрессивных сдвигов был пройден сельским хозяйством еще до реформы и что прирост сельскохозяйственной продукции в годы реформы замедлился. Проанализированы ошибки в данных обследования 1913 года по урожайности, делающие этот источник непригодным для изучения соотношения урожайности хозяйств разных типов. Для сглаживания годовых колебаний в статистике урожаев ЦСК использован метод скользящих средних. Задача минимизации влияния погодных колебаний на измерение динамики зернового производства решена путем сравнений показателей лучших пятилетий до начала реформы с показателями лучшего пятилетия периода реформы. Были подсчитаны сдвиги в урожаях и урожайности основных зерновых культур. Методом корреляционного анализа были выявлены связи сдвигов урожайности и урожаев по выделенным периодам с активностью хода столыпинской реформы в 47 губерниях Европейской России. Также были протестированы связи реформы с рядом других показателей аграрного развития губерний. Выявлено наличие значимых положительных связей (в основном средней силы и слабых) между активностью крестьян в индивидуализации землевладения (выход из общины) и землепользования (создание хуторов и отрубов на надельных землях) в ходе реформы с прогрессом сельского хозяйства. Связь экономических показателей с распространенностью группового землеустройства при сохранении общинного землевладения оказалась отрицательной. Утверждения, содержащиеся в предшествующей историографии, об отсутствии связей между ходом реформы и урожаями, а также о существовании отрицательной связи между оформлением крестьянами прав собственности на землю и приростом урожайности на надельных землях не нашли подтверждения.

1. Автор благодарит А. В. Дмитриеву, Т. Я. Валетова и Д. В. Диденко за консультации и замечания, высказанные при обсуждении материалов статьи.

Введение

Аграрное развитие России в период либеральных экономических преобразований, начатых в 1906 году и остановленных революцией 1917 года, является полем острых научных и публицистических дискуссий. В историографии сегодня сосуществуют противоположные оценки аграрной реформы П. А. Столыпина как провальной, успешной и незавершенной.

Сущность реформы, на наш взгляд, заключалась в изменении институциональных условий функционирования крестьянского хозяйства. Важнейшими выступали два аспекта: 1) оформление права личной собственности главы семьи на земельный надел («укрепление» надела, выход из общины) и 2) оптимизация границ и местоположения земельных участков (землеустройство). Они вступали в силу по желанию крестьян.

Первый аспект относился только к крестьянам, владевшим наделной землей на праве общинной собственности. По земельной переписи 1905 года они составляли 77% от числа крестьянских хозяйств 47 губерний Европейской России (не считая Прибалтийских губерний и земель казаков). Общинное право давало крестьянам возможность уравнительных земельных переделов и бесплатного наделения землей новых семей (дворов). При «укреплении» земля выходила из системы общинных переделов. Получаемая при этом крестьянами личная собственность на надел расширяла возможности распоряжения землей, включая право ее продажи/покупки, хотя и ограниченное. Она не была тождественна частной собственности, эта земля и после «укрепления» оставалась в статусе «крестьянской наделной», в отличие от «частновладельческой» (Забонкова, 2013; Уильямс, 2009: 235–242), поэтому использовать термин «приватизация наделов», как это иногда делают историки при описании столыпинской реформы, некорректно.

Этот аспект реформы не относился к крестьянам, которые имели землю на праве подворно-участкового (наследственного) владения. Накануне реформы подворники составляли 23% крестьянских хозяйств, концентрируясь преимущественно в нескольких западных губерниях. Их наделы рассматривались законом как собственность крестьянской семьи (двора), у них не было земельных переделов и наделения землей новых семей за счет общины, они и до реформы имели право купли-продажи наделной земли между крестьянами.

Второй аспект реформы — землеустройство — был обращен и к общинникам, и к подворникам, поскольку в селениях и тех,

и других существовало чересполосное землепользование. Крестьяне, по отдельности или всем селением, могли требовать выделения своей полевой надельной земли из общинной чересполосицы в отдельный участок — хутор или отруб. Разница между подворниками и общинниками была в том, что для первых выход на хутор или отруб не требовал предварительного «укрепления» надела. По ходу реформы с 1910 года к подворникам в этом отношении были приравнены все те общины, которые фактически не проводили переделов земли; к сожалению, их количество не известно, ведь юридически они числились передельными общинами. С 1911 года землеустройство стало проводиться независимо от формы собственности.

Создание хуторов и отрубов, называвшееся единоличным землеустройством, было важной, но лишь частью землеустройства. Другая часть касалась ликвидации вненадельной чересполосицы и разграничения угодий разных владельцев, то есть размежевания угодий между соседними общинами, между смежными селениями одной общины, между крестьянскими селениями и частными (помещичьими) владениями, выдел части селения в отдельное и т.п.

Кроме названных аспектов аграрная политика правительства П. А. Столыпина включала также стимулирование переселенческого движения, активизацию деятельности Крестьянского земельного банка, агрономии, кредитования сельского хозяйства и другие направления, описанные в историографии. Но столыпинскую реформу в узком смысле составляют все же два основополагающих институциональных сдвига: появление у крестьян права на выход из системы общинных переделов земли и на переход от чересполосицы к индивидуальному участку с четко очерченными границами. Именно они определяют общий курс, заданный столыпинской реформой — курс на индивидуализацию собственности и хозяйства, — который принципиально отличает ее от политики, проводившейся по отношению к крестьянству в предшествующий и последующий периоды. Споры о столыпинской реформе, по существу, сводятся к вопросам, насколько этот курс соответствовал интересам крестьян и насколько он способствовал аграрному развитию.

Теоретически и укрепление прав собственности, и ликвидация чересполосицы с сопутствующим ей принудительным севооборотом должны были содействовать сельскохозяйственному развитию (обсуждение этой проблемы см.: Уильямс, 2009), на это рассчитывало и правительство. В новейшей литературе акцентируется внимание на фактах, свидетельствующих о динамичном ходе реформы и об успехах сельского хозяйства в те годы (Давыдов, 2016; Климин, 2002; Тюкавкин, 2001; и др.). С легкой руки К. Мацузато историки пишут о «русской агротехнической революции» (Кимитака, 1992), или об «агротехнологической революции, ставшей реальностью именно благодаря реформе» (Давыдов, 2016: 482).

Традиционный для советской историографии подход к оценке экономического значения реформы заключался в признании фактов хозяйственного прогресса, в особенности роста применения сельскохо-

зыйственных машин, усовершенствованных орудий и минеральных удобрений, которые, однако, интерпретировались как «лишь весьма незначительные сдвиги в степени интенсификации сельского хозяйства» (Дубровский, 1963: 425, 434; и др.). При этом историки отмечали, что прогресс хозяйства был связан не только с реформой или вовсе не был с ней связан, ибо «на самом же деле действовали другие факторы» (Зырянов, 1992: 63), дули «попутные ветры» (Анфимов, 2002: 166–172), и «пик сдвигов» в развитии российского земледелия «был пройден до революции 1905–1907 гг.» (Ковальченко, 1991: 65). В противовес идеологической апологетике Столыпина было даже выдвинуто утверждение, что в годы реформы прирост сельскохозяйственной продукции в целом замедлился по сравнению с дореформенным периодом (Там же).

Скепсис по поводу экономических результатов реформы подкрепляется общим соображением, что российское сельское хозяйство слишком велико и инерционно, а реформа длилась слишком мало: «...Такое широкомасштабное мероприятие, потребовавшее столь значительной земельной перетряски, не могло положительным образом сказаться в первые же годы своего проведения» (Зырянов, 1992: 63); «Землеустроенные хозяйства, видимо, действительно функционировали эффективнее, чем общинные, но едва ли они могли сразу оказать существенное влияние на общие показатели аграрного сектора» (Жорелин, 1996: 40); «...Результаты реформы еще не успели сказаться в полной мере; для улучшения хозяйства требовалось время, как говорил П. А. Столыпин, „двадцать лет покоя“» (Нефедов, 2011: 510). О том же говорили и сами руководители землеустройства: «Срок самостоятельной жизни отрубных и хуторских хозяйств слишком недостаточен, чтобы определились в надлежащей степени последствия изменившихся условий», нужно чтобы прошло хотя бы 1–2 полных севооборота (Землеустроенные хозяйства, 1915: 2, 33).

Попытки историков решить вопрос о влиянии реформы на производительность сельского хозяйства при помощи математических методов приводили их к противоположным выводам (Нефедов, 2011: 510; Нефедов, 2021; Castañeda Dower, 2019). Очевидно, что дискуссия должна и будет продолжаться.

В данной статье предполагается критически проанализировать аргументацию дискутирующих сторон по ряду названных выше вопросов и привлечь внимание исследователей к особенностям, ограничениям и неиспользованным возможностям существующей источниковой базы. Центральный вопрос нашей работы: наличие и характер связи институциональных преобразований с урожайностью крестьянских полей и производительностью сельского хозяйства.

Проверяем и перепроверяем

На фоне массы фактов, иллюстрирующих рост сельскохозяйственного производства в годы столыпинской реформы, в литературе вы-

деляется пара цифр, при помощи которых историки пытались доказывать обратное. Часто ссылаются на В. П. Данилова: «Историки вновь и вновь проверяют и перепроверяют динамику сельскохозяйственного производства за пореформенное время. Факт состоит в том, что среднегодовой прирост продукции в сельском хозяйстве России не возрос, а снизился: с 2,4% в 1901–1905 гг. до 1,4% в 1909–1913 гг.» (Данилов, 1992: 317). М. А. Давыдов, назвав это утверждение комичным, уклонился от его анализа (Давыдов, 2016: 819). Э. М. Шагин сетовал: «К сожалению, автор не указывает, на основании каких источников получены эти цифры» (Шагин, 2008: 543). К. Мацузато, знавший, что эти цифры были получены И. Д. Ковальченко, предлагал минимизировать их значение как аргумента в дискуссии: «Однако естественно, что по мере роста абсолютно-го количества среднегодовой прирост снижается» (Кимитака, 1992: примечание 6).

Шагин, чтобы опровергнуть эти цифры, приводил среднегодовые значения сборов зерновых и урожайности в 47 губерниях за три периода: 1901–1905, 1906–1910 и 1911–1915 годы. Прирост по периодам он не рассчитывал, ограничившись демонстрацией абсолютных значений, но если проделать эту операцию на его цифрах, то результат окажется примечательным: среднегодовой прирост сборов от первого периода (3 050 533 тыс. пудов) ко второму (3 053 116 тыс. пудов) составил всего 0,016%, а от второго к третьему (3 424 750 тыс. пудов) — 2,43% (Шагин, 2008: 544). То есть на втором отрезке столыпинской реформы наблюдается не снижение, а фантастическое ускорение среднегодового прироста (в 152 раза). Сам историк считал рост урожаям прямым результатом реформы и не видел причин сомневаться в его ускорении: «Такая динамика вполне объяснима. Реальная отдача от любых реформ приходит не сразу» (Там же). К сожалению, обращение к указанному Шагиным источнику² показывает, что в нем содержатся сведения по урожаям не в 47 губерниях Российской империи, а в границах Советской России/СССР 1922 года, и цифры там не совпадают с цифрами в его работе, которые, очевидно, взяты из какого-то другого источника или из литературы.

Между тем Данилов опирался на хорошо известную историкам-аграрникам работу Ковальченко 1991 года, в которой утверждалось следующее: «Валовые сборы земледельческой продукции в 1909–1913 гг., т.е. в разгар столыпинской реформы, возросли сравнительно с началом века незначительно (всего на 7,3%). Среднегодовой же прирост этих сборов заметно снизился (до 1,46% против 2,41%)» (Ковальченко, 1991: 65). В подтверждение приводилась таблица с данными о валовых сборах зерновых и картофеля (раздельно и суммарно с переводом картофеля в зерно 3:1) в Европейской России в млн четвертей за 1870-е, 1880-е, 1890-е, 1900–1905 и 1909–1913 годы (за все периоды

2. Сельское хозяйство России в XX веке: Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. / Под ред. Н. П. Огановского. М., 1923.

среднегодовые значения). В качестве источников указаны монография А. С. Нифонтова (Нифонтов, 1974) и «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству», издававшийся ГУЗиЗ.

Проблема использованных Ковальченко данных заключается в их несопоставимости, так как Нифонтов изучал урожаи до 1900 года по губернаторским отчетам, а сборники ГУЗиЗ воспроизвели данные Центрального статистического комитета начиная с 1901 года. Губернаторская статистика и ЦСК пользовались разными методами сбора сведений. Кроме того, в сборниках ГУЗиЗ урожаи приводились в пудах, а не в четвертях, и методика пересчета пудов в четверти Ковальченко не раскрывается. Наконец, корректно ли сравнивать среднегодовые значения урожаев в периодах разной длительности (10–6–5 лет)? Если пренебречь этим замечанием и сделать подсчет, аналогичный Ковальченко, за три последних периода, но по одному источнику — данным ЦСК по ежегодникам «Урожай ... года», взяв валовые сборы всех зерновых (кроме фасоли, бобов и чечевицы), а также картофеля (с тем же коэффициентом 3:1), в пудах, получаем следующий результат (табл. 1).

Таблица 1. Валовые сборы хлебов и картофеля в 1891–1913 годах по выделенным периодам

		1891–1900*	1900–1905	1909–1913
Среднегодовой сбор зерновых и картофеля (3:1)	Подсчет Ковальченко, млн четвертей	367,6	420,8	451,6
	Подсчет автора, млн пудов	2913,3	3517,3	4155,0
В % к предыдущему периоду	Подсчет Ковальченко	—	114,5	107,3
	Подсчет автора	—	120,7	118,1
Среднегодовой прирост, %	Подсчет Ковальченко	—	2,41	1,46
	Подсчет автора	—	3,46	3,63

Источники: Ковальченко, 1991: 65; Урожай ... года / Статистика Российской империи. Т. 19, 26, 28, 30, 35, 36, 42, 46, 49, 51, 53 (вып. I–II), 54, 57, 59, 60 (вып. I–II), 71, 73, 75, 78, 81.

* У И. Д. Ковальченко стоит «90-е гг.», цифра соответствует среднему значению за 1891–1900 годы по А. С. Нифонтову (Нифонтов, 1974: 267), то есть 1900 год был учтен в таблице дважды.

Подсчет по сопоставимым данным показывает, что среднегодовой прирост валовых урожаев «в разгар столыпинской реформы» (3,63%) не уступает и даже едва заметно превосходит начало XX века (3,46%). Если же сравнить строго пятилетние отрезки (1896–1900; 1901–1905; 1909–1913), то результат изменится незначительно: начало XX века покажет среднегодовой прирост 3,25%, предвоенное пятилетие — 3,33%. Таким образом, И. Д. Ковальченко и В. П. Данилов в этом вопросе ошибались, и нет оснований говорить, что столыпинская реформа привела к снижению среднегодового прироста сборов хлебов.

Рассмотренный кейс ставит, однако, более общий вопрос о слабой разработанности источников урожайных данных, хотя именно показатели зернового производства обычно выступают в историографии основными индикаторами уровня и динамики сельскохозяйственного производства в целом. Мы видим, как историки-аграрники в качестве источника обращаются зачастую к вторичным публикациям, путаются в ссылках, используют разнородные данные, с различной и произвольной группировкой по периодам. При сравнении средних многолетних значений не учитывается, что резкие погодные колебания урожайности в России делают этот метод чрезвычайно чувствительным к выбору границ и интервалов. Например, как можно заметить в приведенных выше подсчетах, включение неурожайного 1906 года в определенный пятилетний отрезок или его исключение приводит к изменению цифр прироста на порядок.

Сопоставление урожайности единоличников и общинников по материалам обследования 1913 года: критика источника

Историки столыпинской реформы часто используют в качестве источника материалы сплошного обследования хуторян и отрубников, проведенного под эгидой ГУЗиЗ в 1913 году в 12 уездах разных губерний, которые были опубликованы в виде диаграмм с предисловием и комментариями (Землеустроенные хозяйства, 1915) и поуездных таблиц (Обследование, 1915). Более 22 тысяч крестьянских хозяйств, перешедших на хутора и отруба в 1907–1910 годы, отвечали на более чем 150 вопросов, которые характеризовали их положение до и после землеустройства. Среди них были вопросы об урожаях за 1912 и 1913 годы. В этом пункте — единственном в обследовании — сдвиги определялись не сопоставлением до и после, а сопоставлением урожайности единоличных хозяйств с урожайностью крестьян, оставшихся при общинном владении, в тех же уездах за те же два года. Публикаторы материалов пришли к выводу, что «по всем видам посевов, в подавляющем числе случаев, урожай в землеустроенных хозяйствах оказался выше, чем при крестьянском чересполосном владении, а нередко даже обильнее, чем в частновладельческих экономиях тех же местностей» (Землеустроенные хозяйства, 1915: 33); «...Произведенное обследование выяс-

нило одно несомненное явление: даже по прошествии всего 3–4 лет после землеустройства урожай всех хлебов, а следовательно, и производительность хозяйств у единоличников выше, чем у общинников» (Там же: диаграмма XXI). Насколько обоснован этот вывод?

Обратимся к источнику. В таблице 2 приводим итоги, полученные ГУЗиЗ обработкой данных 14,5 тысячи хозяйств в 11 уездах (без уезда, в котором были только хозяйства на банковских землях).

Таблица 2. Урожайность на землях разного типа владения в 11 уездах в 1912–1913 годах (пудов с десятины)

		На участках единоличного владения (хутора, отруба)		В сельских обществах	У частных владельцев
		на наделных землях	на землях Крестьянского банка		
Рожь озимая	1912	54,0*	66,5	50,1	58,9
	1913	54,4**	65,6	51,2	63,6
Пшеница озимая	1912	54,4	45,2	62,6	65,9
	1913	82,5	73,0	63,3	78,9
Пшеница яровая	1912	49,8	57,6	41,0	41,6
	1913	55,4	61,8	51,0	47,6
Овес	1912	68,1	77,6	55,9	60,2
	1913	72,8	75,6	59,9	69,3
Ячмень	1912	65,7	67,5	53,7	59,0
	1913	65,9	73,4	60,4	68,1
Картофель	1912	624,4***	551,4	451,8	616,8
	1913	570,5	440,9	421,0	570,6

Источник: Землеустроенные хозяйства, 1915: диаграмма XXI.

В трех цифрах обнаружилось расхождение диаграммы с итогами поездных таблиц, не влияющие на итог сравнений: *54,2; **54,6; ***603,3 (Обследование, 1915: поездные таблицы).

Земли Крестьянского банка никогда не были наделными, поэтому урожайность в созданных на них крестьянских хозяйствах имеет смысл сравнивать лишь с урожайностью частных владельцев. Она оказалась у хуторян выше по большинству культур, кроме самой ценной, озимой пшеницы, и картофеля.

Наибольший интерес представляет сравнение хуторов и отрубов на наделных землях с общинными селениями. Здесь наблюдается превосходство индивидуального землепользования по всем параметрам, кроме озимой пшеницы в 1912 году. Более того, хутора и отруба на наделных землях показали превосходство и над частновладельческими землями в 6 из 12 сопоставляемых позиций, тогда как общинные — проигрывают им по всем, кроме одной. Казалось бы, вывод очевиден: именно индивидуализация землепользования, то есть выдел и разверстание на отруба и хутора способствовали повышению урожайности.

Однако любой источник требует критического отношения. В советской историографии обследование 1913 года считалось тенденциозным и недостаточно репрезентативным по выбору уездов (Дубровский, 1963: 270–272), позднее эти оценки были оспорены (Тюкавкин, 2001: 207; Уильямс, 2009: 248–249). При этом сведения об урожайности, приведенные в материалах обследования, не подвергались источниковедческому анализу. Между тем они имеют, по крайней мере, два пробела: 1) отсутствие данных об урожайности в обследованных хозяйствах до землеустройства не позволяет исключить гипотезу, что их урожайность могла быть изначально выше средней; 2) мы не знаем, каким образом были получены сведения об урожайности в общинах, с которыми сравниваются землеустроенные хозяйства.

Урожайность обследованных хозяйств, как явствует из публикации, вычислялась на основе ответов хозяев «о засеянной площади и количестве высеянного и собранного хлеба» (Землеустроенные хозяйства, 1915: 4). Урожайность же в общинах с чересполосным землепользованием и в частновладельческих хозяйствах каким-то образом определялась уездными комитетами, созданными ГУЗиЗ специально для руководства проведением обследования. Почему для сравнения не использовались сведения официальных урожайных статистик, ЦСК или ГУЗиЗ, в материалах обследования не объясняется. Допустим, это могло быть вызвано тем, что в официальных статистиках не проводилось разделения между землеустроенными и неземлеустроенными крестьянскими хозяйствами, либо сыграло роль общее недоверие к официальным сведениям, в частности, данные ЦСК современники обычно считали заниженными. Хотелось бы знать, каким образом уездные комитеты сумели преодолеть недостатки официальных статистик, но вместо ответа в материалах обследования находим туманную фразу, способную вызвать у независимого исследователя лишь новые сомнения: «Урожайность тех же хлебов за те же годы в сельских обществах и у частных владельцев была исследована и определена местными Уездными Комитетами, которые, зная, для какой цели запрашивались настоящие сведения, отнесли к своей задаче особенно внимательно и осторожно» (Там же: 32–33).

Чтобы понять, как авторы обследования работали с урожайной статистикой, мы обратились к поуездным данным. Выяснилось, что в обеих графах «На участках единоличного владения» (см. табл. 2) значения средней урожайности по 11 уездам считались как взвешен-

ные по посевным площадям, напротив, цифры в графах «В сельских обществах» и «У частных владельцев» являются среднеарифметическими из поуездных цифр³. Первый метод вычисления средней урожайности является корректным, а второй нет, так как урожайность, по определению, есть отношение сбора к площади. Очевидно, в урожайных сведениях уездных комитетов, собранных неизвестным для нас способом, не содержалось данных о посевных площадях. В любом случае сравнивать средневзвешенные значения с простыми средними — значит громоздить ошибку на ошибку, следовательно, и выводы, построенные на результатах такого сравнения, не имеют силы.

В связи с этим интересно сопоставить поуездные данные обследования с урожайными данными ЦСК, собиравшимися независимо от этого обследования. В полном масштабе эта трудоемкая работа требует отдельного исследования, тем более что в поуездных таблицах имеются сведения и по ряду других культур (просо, греча, горох, подсолнечник, кукуруза, лён); мы ограничились только одной позицией — озимая рожь в 1912 году на надельных землях (табл. 3).

Таблица 3. Урожайность озимой ржи в 1912 году в 11 уездах по данным Обследования 1913 года и ЦСК на надельных землях

Уезд (губерния)	Количество обследованных хозяйств	Урожайность в обследованных хозяйствах, пудов с десятины	Посевная площадь в обследованных хозяйствах, десятин	Доля площади обследованных хозяйств в посевной площади надельных земель уезда по ЦСК, %	Урожайность на землях сельских обществ (по данным Уездных Комитетов обследования)	Данные ЦСК	
						уро- жай- ность, пуд./ дес.	посевная площадь, дес.
Бердянский (Таврическая)	1483	55,8	151	2,1	38,8	39,6	7145
Богодуховский (Харьковская)	3447	70,3	4342	12,7	60,0	74,1	34179

3. Из подсчетов по озимой ржи у частных владельцев составители по умолчанию исключили Красноуфимский уезд, где ее урожайность выбивалась из общего ряда (131 и 113 пудов с десятины), занизив среднеарифметические значения. Не совпадают со среднеарифметическими также итоги по картофелю на общинных землях за оба года. Как были выведены цифры, отличающиеся от среднеарифметических, не ясно.

Красноуфимский (Пермская)	691	58,7	1029	1,9	67,5	74,7	53153
Кременчугский (Полтавская)	1373	69,2	1303	6,7	67,0	65,4	19486
Мологский (Ярославская)	271	80,3	159	0,9	63,9	70,3	18509
Николаевский (Самарская)	893	30,4	1832	2,0	14,0	20,1	89965
Орловский (Орловская)	754	46,4	1480	3,7	31,7	40,5	40001
Островский (Псковская)	807	78,1	1040	2,3	52,2	75,2	44408
Ржевский (Тверская)	641	62,3	717	2,3	51,6	53,0	31259
Сычевский (Смоленская)	1364	66,0	1230	3,8	62,7	60,5	32735
Трокский (Виленская)	2724	43,5	8399	17,5	42,0	42,0	47924
Итого	14 448	54,2 (54,0)	21 725	5,2	50,1	52,0	418764

Источники: Обследование землеустроенных хозяйств... С. 11–13, 25–27, 53–55, 67–69, 79–81, 95–97; Урожай 1912 года / СРИ. Т. 78. Вып. 1. СПб., 1912. С. 10, 12, 14, 16, 18, 26, 42, 52, 68, 72, 80.

Данные о посевных площадях по культурам в материалах обследования приводились в процентах от общей посевной площади, поэтому перевод их в абсолютные значения потребовал дополнительных вычислений. При этом проверка итога для обследованных хозяйств показала, что средневзвешенная урожайность должна быть 54,0 пуда

с десятины, то есть в томе с диаграммами итог верный (см. табл. 2), а в публикации поуездных таблиц — 54,2 — опечатка (табл. 3).

Итак, мы имеем площади посевов озимой ржи, с одной стороны, у хуторян и отрубников, с другой — в целом по надельным землям каждого уезда по данным ЦСК. Хутора и отруба, отвечавшие на вопрос об урожайности, занимали всего 5,2% посевной площади ржи 11 уездов. Вряд ли их урожаи могли существенно влиять на среднее значение урожайности. Значимое количество их доля составила лишь в Богодуховском (12,7%) и Трокском (17,5%) уездах.

Сопоставляя далее урожайность ржи на землях общин по данным уездных комитетов с данными ЦСК по надельным землям, мы видим, во-первых, совпадение в Трокском уезде. Как показала сверка, все цифры урожайности в общинах за 1912 и 1913 годы в этом уезде заимствованы из статистики ЦСК, то есть этот уездный комитет никаких собственных сведений не собирал. Во-вторых, по остальным уездам в 8 из 10 случаев данные ЦСК оказались выше, чем данные комитетов обследования. С учетом репутации статистики ЦСК как заниженной, это обстоятельство заставляет задуматься о репрезентативности данных уездных комитетов обследования. Примечательна картина в двух самых представительных уездах: в Трокском преимущество хуторян и отрубников незначительно, а в Богодуховском цифра ЦСК выше, чем данные обследования и по общинникам, и по единоличникам.

В целом урожайность надельных земель по ЦСК (52,0 пуда с десятины) ниже урожайности хуторян и отрубников (54,0), хотя разница оказывается в половину меньше, чем по ошибочным подсчетам авторов обследования (50,1 и 54,2), то есть 3,7% вместо 7,6%. Если же воспользоваться заведомо некорректным методом сравнения средневзвешенной урожайности единоличников (54,0) со среднеарифметической по ЦСК (она составит 55,9), как это делали авторы обследования со своими цифрами, то пришлось бы признать, что переход на хутора и отруба не увеличил, а уменьшил урожайность ржи.

Таким образом, в силу некорректного вычисления урожайности на общинных землях в обследовании 1913 года, использовать выводы этого источника о соотношении урожайности хуторов и отрубков с урожайностью общинных крестьянских хозяйств без проверки по другим источникам нельзя. Учитывая же низкую надежность урожайной статистики на уровне уездов в принципе, имеет смысл вернуться к анализу динамики в общероссийском и погубернском масштабе.

Динамика зернового производства: проблема измерения роста

Основным источником для изучения движения урожаев (сборов), посевных площадей и урожайности по губерниям и культурам является статистика ЦСК, существовавшая с 1883 года. Ежегодные

значения демонстрируют сильные скачки и перепады. Для выяснения направления и темпов эволюции на длительных периодах имеются два основных метода: сравнение многолетних средних и построение трендов. Рассмотрим их возможности для определения количественного эффекта столыпинской реформы.

Тренды урожайности основных зерновых культур по Европейской России в целом и по каждой губернии за 1883–1914 годы построил еще В. М. Обухов в рамках большого исследования закономерностей колебаний урожаев, проводившегося в 1920-е годы (Обухов, 1927). На диаграмме (рис. 1) воспроизведены значения валовой урожайности в Европейской России за 32 года, вычисленные Обуховым для корзины из основных хлебов, и линейный тренд, показывающий движение урожайности, исходя из гипотезы ее равномерного ежегодного изменения.

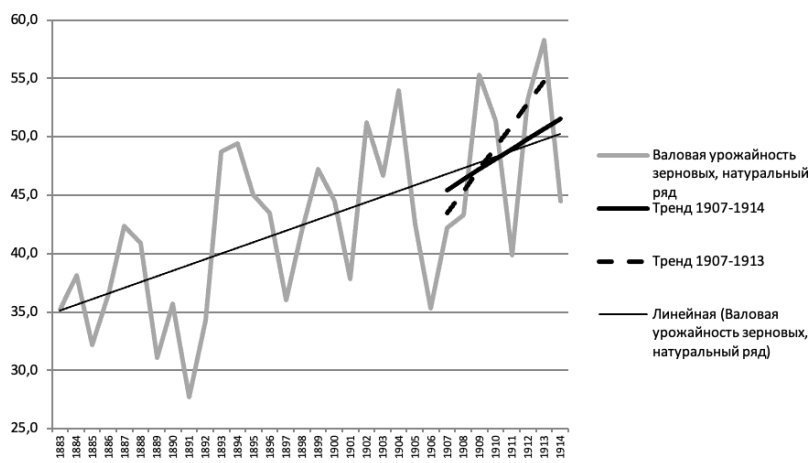

Рисунок 1. Динамика и тренды валовой урожайности в Европейской России в 1883–1914 годах (пудов с десятины)

Тренд показывает несомненный рост урожайности. Характерно, что при использовании кривой второго порядка тренд почти не будет отличаться от линейного. Среднегодовой прирост урожайности, подсчитанный как разность конечного и начального значения тренда, деленная на число лет, составляет 0,475 пуда с десятины в год. Как определить влияние столыпинской реформы? Если подсчитать прирост урожайности по аналогичному тренду первых 24 лет (1883–1906; на диаграмме не обозначен, поскольку был бы трудноразличим), он составит 0,463 пуда, следовательно, добавление восьми лет столыпинской реформы дает прибавку к общему приросту величиной всего 0,012 пуда в год (ускорение на 2,5%).

Если пойти другим путем и построить отдельный малый тренд для восьми лет реформы (1907–1914), по нему прирост урожайности

сти составит уже 0,764 пуда в год, то есть в 1,6 раза больше, чем за весь период наблюдений. Предсказывающая способность этого тренда близка к нулю ($R^2=0,097$), и исключением из него только одного последнего года можно получить ежегодный прирост урожайности еще в два с лишним раза больший: 1,611 пуда за 1907–1913 годы, то есть насчитать ускорение роста не на 2,5%, а в 3,5 раза. Однако едва ли такие манипуляции можно считать корректными подсчетами. Конечно, некоторое ускорение роста урожайности после начала реформы фиксируется при любом способе измерения, но вопросы отбора периодов наблюдений и сглаживания ежегодных колебаний здесь остаются, как и при использовании многолетних средних. Причина трудностей — в краткости периода реформ.

В поиске лучших решений, думается, стоит обратиться к методу скользящих средних. Для анализа тенденций аграрного развития надежнее было бы использовать скользящую среднюю по десятилетним значениям, однако такой масштаб неудачен для столыпинской реформы, которая продолжалась менее 10 мирных лет. Мы рассчитали скользящие средние значения по 27 пятилетним отрезкам с момента появления статистики ЦСК до начала Первой мировой войны. Данные взяты из ежегодных публикаций «Урожай ... года» путем суммирования губернских итогов из поуездных таблиц⁴. Полученная динамика чистого сбора основных хлебов и картофеля в 50 губерниях Европейской России представлена на рисунке 2.

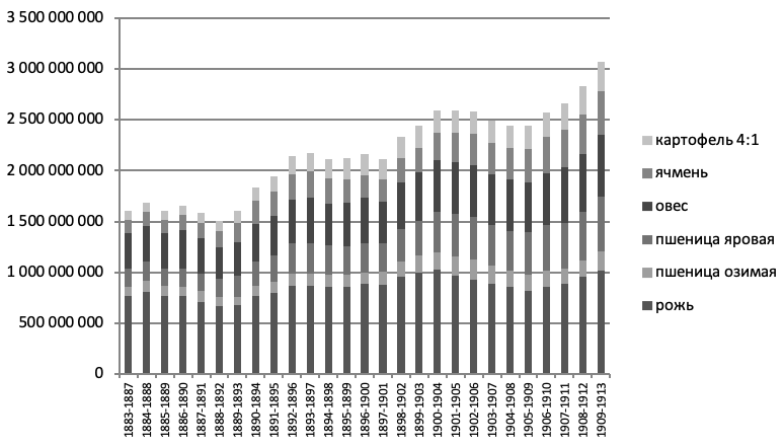

Рисунок 2. Динамика чистых сборов хлебов и картофеля в Европейской России в 1883–1913 годах (скользящие средние пятилетние значения), в пудах

4. Сбор этих данных производился совместно с И. В. Шильниковой, которой я благодарю за предоставленные в мое распоряжение материалы.

Чистый сбор (урожай за вычетом семян) — показатель, нечасто используемый в нашей литературе, отдающей предпочтение валовому сбору, цифры которого воспроизводились в многочисленных публикациях. Между тем он присутствует в урожайной статистике ЦСК или легко рассчитывается за те годы, когда он не публиковался, так как объем семян учитывался ежегодно. Поскольку в 1883–1887 годах статистика давала сборы в четвертях, а вес четверти публиковался только с 1888 года, мы переводили четверти в пуды, используя для первых лет средние веса четверти соответствующих культур за 1888–1892 годы для каждой губернии. Коэффициент для суммирования картофеля с зерновыми принят 4 к 1, что ближе к соотношению питательности картофеля и ржи, выведенному в XIX веке, чем иногда используемые коэффициенты 5 к 1 или 3 к 1.

На графике отчетливо заметна волнообразная кривая роста, которую создают периоды подъемов, следующие после моментов крупнейших неурожаев, и спадов, образующихся по мере убывания статистического влияния высокоурожайных лет. Годы резких отклонений — общероссийские неурожаи 1891, 1897, 1901, 1906, 1911 годов и пики подъема 1893, 1894, 1902, 1904, а также годы последнего пятилетия, кроме 1911 года (их можно проследить по рис. 1). Вопрос о причинах наблюдаемой цикличности мы здесь не обсуждаем.

Четыре последних отрезка, включающие в себя годы реформы, демонстрируют очевидный подъем, однако он выглядит как начало третьей волны, аналогичной волнам 1889/1893—1893/1897 и 1898/1902—1900/1904 годов. Этого недостаточно, чтобы делать какие-либо выводы относительно влияния реформы.

Качество роста в развитии зернового хозяйства обычно определяют по показателям урожайности (сбор с единицы площади) и среднедушевого сбора (урожай на душу населения). Динамика этих показателей, рассчитанных по чистому сбору тех же зерновых, но без картофеля, представлена на рисунке 3. Посевные площади взяты по той же статистике ЦСК, для подушевых расчетов использованы данные о численности населения по реконструкции В. Зайцева (Зайцев, 1927).

Оба показателя повторяют те же волнообразные колебания, но если урожайность при этом демонстрирует выраженную растущую динамику, то тенденция душевого производства после середины 1890-х годов едва различима.

Гребни волн (периоды максимальных значений внутри цикла) всех трех рассмотренных показателей приходятся на следующие отрезки: 1893–1897; 1900–1904; 1909–1913 годы. Отрезок 1900–1904 годов — лучшее пятилетие до начала столыпинской реформы. Его сравнение с предыдущим пиком демонстрирует рост, достигнутый без реформы. Пятилетие 1909–1913 годов — лучшее за все время наблюдений урожайной статистики до Первой мировой войны и, по совместительству, «разгар» реформы.

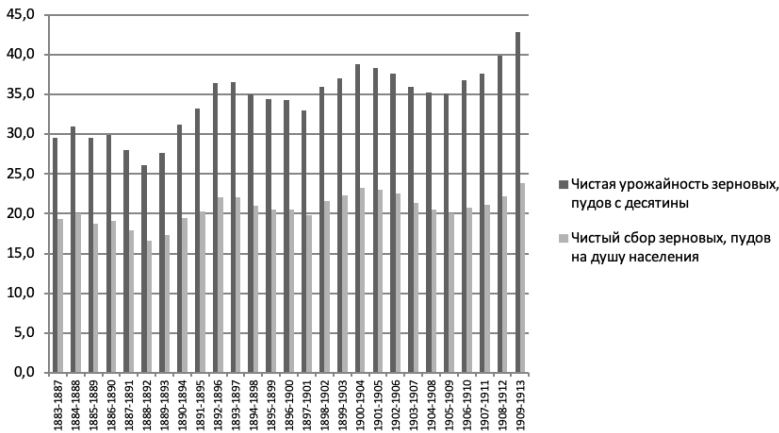

Рисунок 3. Чистая урожайность и чистый сбор на душу населения основных зерновых в Европейской России в 1883–1913 годах (скользящие средние пятилетние значения), в пудах

Если взять для сравнительного анализа не случайные, а именно лучшие пятилетия, то, как представляется, можно нивелировать влияние погодных факторов, поскольку урожайность, достигнутая при наиболее благоприятных погодных условиях, демонстрирует природно-климатический потенциал каждого региона при данном уровне технологий и организации хозяйства. Поэтому наблюдаемые между этими пятилетиями сдвиги можно отнести на счет изменения технологий и организации хозяйства с гораздо большим основанием, чем при сравнении случайно выбранных или смежных пятилетних отрезков. Исходя из этого, мы в данном случае игнорируем тот факт, что между сравниваемыми пятилетиями пролегает неравное число лет, и между первым и вторым (дореформенными) периодами прошло меньше времени, чем от второго до третьего, — сочетание благоприятных погодных факторов не подчиняется точной периодичности. Сравнение их уровней приводится в таблице 4.

В целом эти цифры скорее подходят под понятие «сдвигов», чем «агротехнической революции». Сопоставление процентов увеличения сборов зерновых дает преимущество дореформенному росту, но небольшое (прирост 19,2% против 17,2%), которое практически исчезает с учетом картофеля (18,9% против 18,6%). Уровень душевых показателей в лучшие годы реформы немного превосходит (на 2,4% по зерновым и на 3,6% по зерновым с картофелем) лучший предреформенный период, демонстрируя, однако, отставание от прироста, достигнутого между предыдущими пиками (5,7% — 5,4%). За этими цифрами стоит ускоренный прирост населения, который сельское хозяйство все же сумело превзойти, хотя и с затуханием своего ускорения. В этом контексте следует обратить внимание на урожайность, которая выросла значительно сильнее (на 10,3% против 6,2% ранее).

Это означает, что рост сборов зерна в период реформы достигался за счет роста урожайности в большей мере, чем это было присуще дореформенному росту. Следовательно, в период реформы ускорялась именно интенсификация зернового производства.

Таблица 4. Чистые сборы и урожайность зерновых и картофеля в 1893–1913 годах по выделенным периодам

		1893–1897	1900–1904	1909–1913
Чистый сбор зерновых	тыс. пудов	1 990 938	2 373 863	2 782 707
	% к предыдущему периоду	—	119,2%	117,2%
Чистый сбор зерновых и картофеля	тыс. пудов	2 176 977	2 587 878	3 068 772
	% к предыдущему периоду	—	118,9%	118,6%
Чистый сбор зерновых на душу населения	пудов	22,07	23,32	23,88
	% к предыдущему периоду	—	105,7%	102,4%
Чистый сбор зерновых и картофеля на душу населения	пудов	24,12	25,42	26,34
	% к предыдущему периоду	—	105,4%	103,6%
Чистая урожайность зерновых	пудов с десятины	36,58	38,85	42,84
	% к предыдущему периоду	—	106,2%	110,3%

Источник: Урожай ... года / СРИ. Т. 28, 30, 35, 36, 42, 51, 53 (вып. I–II), 54, 57, 59, 71, 73, 75, 78, 81.

Динамика урожайности на уровне губерний

При изучении столыпинской реформы историкам предпочтительнее оперировать с данными по крестьянским наделным землям, а не по губерниям в целом, так как в последних присутствовала вто-

рая составляющая — урожаи на частновладельческих (и других) землях. Мы рассчитали урожайность наделных земель и ее приросты по тем же периодам и корзине тех же основных хлебов. Между приростами урожайности на наделных землях и по губерниям в целом оказалась теснейшая корреляция: от первого периода ко второму коэффициент 0,97; от второго периода к третьему — 0,96. Это подтверждает наблюдения историков о параллелизме в динамике урожайности крестьянских и частновладельческих земель (Kopsidis, 2015), однако далее мы работаем с урожайностью только наделных земель.

На уровне губерний динамика урожайности предстает разнонаправленной. Между периодами 1900–1904 и 1909–1913 годов в двенадцати губерниях средняя урожайность крестьянских наделных земель увеличилась на 20% и более (от 20,0% в Бессарабской до 34,1% в Харьковской). Среди них преобладают губернии Новороссийские, Западные, Северо-Западные. В двенадцати губерниях урожайность уменьшилась (прирост от -1,8% во Владимирской до -22,3% в Астраханской). В этой группе губернии Среднего и Нижнего Поволжья, Центрального Черноземья, Зауралья. Вероятно, здесь пик сдвигов был действительно пройден до реформы, или происходил экстенсивный рост, или крестьянское хозяйство перестраивалось на незерновые отрасли, или испытывало кризис.

Представляют интерес взаимосвязи между величиной урожайности по трем периодам и сдвигами урожайности от одного периода к другому. Мы подсчитали коэффициенты корреляции по 47 губерниям (без Прибалтийских) для следующих переменных:

- 1) Среднегодовая чистая урожайность на наделных землях в 1893–1897 годах.
- 2) Среднегодовая чистая урожайность на наделных землях в 1900–1904 годах.
- 3) Среднегодовая чистая урожайность на наделных землях в 1909–1913 годах.
- 4) Прирост среднегодовой чистой урожайности на наделных землях от второго периода к третьему (1900/1904–1909/1913).
- 5) Прирост среднегодовой чистой урожайности на наделных землях от первого периода ко второму (1893/1897–1900/1904).

Итоги сведены в таблице 5; значения до 0,30 говорят об отсутствии связи.

Таблица 5. Коэффициенты корреляции показателей урожайности

	1	2	3	4
2	0,85	1,00		
3	0,79	0,88	1,00	
4	-0,03	-0,13	0,34	1,00
5	-0,05	0,48	0,36	-0,18

Между уровнями урожайности первого и второго периодов и приростами урожайности на следующих за ними хронологических отрезках корреляции нет: переменная (1) не связана с (4) и (5); (2) не связана с (4). То есть сдвиги урожайности по губерниям не зависели от исходного уровня урожайности. Однако имеется связь между уровнями урожайности и ее приростами в предыдущие периоды: урожайность во второй период (2) имеет значимую связь (0,48) с приростом от первого периода ко второму (5). Урожайность третьего периода (3) имеет слабые, но все же значимые связи и с приростом от первого периода ко второму (5), и с приростом от второго периода к третьему (4) — коэффициенты 0,34 и 0,36. Это логично: достигнутый уровень урожайности в определенной мере зависит от направления и темпа предыдущего роста, но не определяет собой дальнейшего роста.

С этой точки зрения естественно отсутствие связи между приростами урожайности в разные периоды (4) и (5). Но это означает, что сдвиги, наметившиеся в дореформенный период, не имели инерционного продолжения в период реформы, и во многих губерниях сменился вектор и темп движения урожайности на наделных землях.

При этом урожайность по всем трем периодам имеет высокую корреляцию между собой: между первым и вторым периодами 0,85; между вторым и третьим 0,88; между первым и третьим 0,79. Это говорит о том, что при всех разнонаправленных сдвигах рейтинг губерний по высоте урожайности менялся от периода к периоду не столь сильно, и губернии, в которых был относительно более высокий уровень урожайности до реформы, как правило, сохраняли относительно более высокий уровень и далее.

Реформа и сдвиги в урожайности: показатели и методы

Прежде чем перейти к анализу связи сдвигов урожайности с институциональными изменениями в ходе реформы по выделенным нами периодам, следует остановиться на опытах такого анализа, уже известных в литературе, и их недостатках. В историографии как минимум дважды предпринимались попытки решить вопрос о наличии или отсутствии связи между мероприятиями столыпинской реформы и динамикой урожая/урожайности на уровне губерний при помощи математических методов.

С. А. Нефедов подсчитал коэффициенты корреляции между «ростом производства» от 1901–1905 к 1910–1914 годам и тремя показателями: процентом вышедших из общины, процентом земли у вышедших, процентом «землеустроенной земли». Под «производством» понимались урожаи (сборы), а не урожайность. Его подсчеты для семи губерний Центрального Черноземья — Курской, Орловской, Тульской, Рязанской, Воронежской, Пензенской, Тамбовской — показали статистически незначимые коэффициенты от -0,23 до 0,03.

«Следовательно, мы не можем приписывать рост производства столыпинской реформе», — подытожил исследователь (Нефедов, 2011: 510). В другой публикации он усилил свое утверждение: «Урожай никак не зависели от успехов (или неудач) реформы» (Нефедов, 2018: 44). В новой работе Нефедов сообщил об отсутствии корреляции между показателями реформы и производством картофеля и пеньки в тех же губерниях (Нефедов, 2021: 182). Представляется, что эти заключения носят поспешный и неоправданно расширительный характер. Губерний одного из регионов явно недостаточно, чтобы делать выводы в масштабах России, а выбор хронологических отрезков для сравнения требует дополнительного обоснования.

Влияние столыпинской реформы на урожайность основных зерновых культур, причем именно на крестьянских наделных землях, по всем губерниям Европейской России исследовали А. М. Маркевич и П. Костаньеда Дауэр, работающие в парадигме исторической эконометрики (Castañeda Dower, 2019). Хронологические рамки их работы: 1905–1913 годы. Методом регрессионного анализа они оценили влияние двух аспектов реформы по отдельности: с одной стороны, эффект выхода крестьян из общины, с другой — эффект землеустройства в плане консолидации наделов, то есть создания хуторов и отрубов. Исследователи предполагали, что оба аспекта могли иметь положительное влияние, в том числе и выход из общины без землеустройства. Их расчеты показали, что «производительность земли резко возросла в результате реформы», однако две составляющие реформы имели разнонаправленное действие: «...Непосредственный эффект преобразования права собственности на землю из общинного в индивидуальное владение на продуктивность земли был отрицательным, как и полагали скептики реформы. Напротив, эффект роста производительности был обусловлен консолидационной составляющей реформы, как утверждали сторонники реформы» (Там же). То есть рост урожайности стимулировался лишь индивидуализацией землепользования, а не получением прав собственности на наделную землю, которое почему-то тормозило рост урожайности.

Несмотря на ряд теоретических соображений, приводимых авторами для объяснения полученного парадокса, их вывод трудно принять. «Укрепление» надела совершалось крестьянами, как правило, либо с целью последующей индивидуализации землепользования, и в таком случае с некоторым временным лагом оно попадало в статистику создания хуторов и отрубов, либо с целью продажи надела при переселении в Сибирь или в город, и в этом случае земля переходила в руки более состоятельных односельчан, хозяйство которых, как можно предполагать, велось на более высоком уровне, чем у предыдущих владельцев, даже если сами они при этом не выходили из общины, а лишь увеличивали размер своего надела в общине. Поэтому если оформление прав собственности на землю вообще имело связь с производительностью земли, то эта связь на уровне статистики едва ли могла быть отрицательной.

Некоторые показатели, использованные соавторами, вызывают вопросы. Так, ход реформы по губерниям они оценивают «средне-годовым» числом крестьянских хозяйств (и оформивших собственность, и получивших землеустройство), нормированным на «дореформенную среднюю посевную площадь зерна крестьян в общинах». Однако российская статистика посевных площадей⁵ содержит данные о крестьянской наделной земле, не различая общинников и подворников, тогда как соотносить «укрепления» наделов имеет смысл только с посевами в передельных общинах. Статистику общинных и подворных земель дает земельная перепись 1905 года, но в ней зафиксирован размер землевладения, а не площади посевов. По-видимому, задача нормирования дворов на посевную площадь для изучения «укрепления» наделов поставлена и решена соавторами некорректно.

За этим видится и более общий методологический вопрос: какой смысл несет в себе показатель числа крестьянских дворов, отнесенных к посевной площади? Число дворов на единицу посевной площади — это показатель, обратный показателю обеспеченности крестьян землей, в данном случае — обратный размеру посевной площади у крестьян. Соавторы полагают, что чем больше дворов в расчете на гектар посевов воспользовались реформой (вышли из общины или получили землеустройство) в той или иной губернии, тем активнее там шла реформа. Они, кажется, упускают из виду, что чем больше дворов в расчете на гектар посевов воспользовались реформой в той или иной губернии, тем, следовательно, меньше была посевная площадь каждого из этих дворов. И наоборот, там, где реформой воспользовались меньше дворов на единицу площади, там больше посевная площадь каждого из них. Однако между посевной площадью и урожайностью имеется связь.

Мы подсчитали размер посевной площади суммы основных хлебов (на крестьянских наделных землях за 1900–1904 годы) в расчете на 1 крестьянский двор (по переписи 1905 года) по губерниям и коэффициенты корреляции этого показателя со средней высотой урожайности тех же хлебов на наделных землях за 1900–1904 годы. По 50 губерниям корреляции не оказалось (-0,05), но отдельный подсчет по 24 хлебопотребляющим губерниям показал значимую прямую связь (0,44), тогда как по 26 хлебопроизводящим губерниям связь оказалась отрицательной (-0,68). То есть в Нечерноземье — чем больше посевная площадь у крестьянского хозяйства, тем вероятнее высокая урожайность,

5. А. М. Маркевич и Костаньеда Дауэр использовали свод Н. С. Четверикова, представляющий собой экстракт из ежегодников «Урожай ... года»: Свод урожайных сведений за годы 1883–1915. (Материалы Центрального статистического комитета по урожаям на наделных землях). М.: ЦСУ СССР, 1928.

а в Черноземье наоборот, чем меньше посевная площадь, тем выше урожайность. В производящих губерниях площадь оказалась связанной и с приростом урожайности: где больше посевная площадь на двор, там меньше прирост урожайности в дореформенный период (-0,60), хотя по всем губерниям эта связь слабее (-0,37). И эти закономерности не имеют отношения к столыпинской реформе.

Это значит, что если показателем активности реформы принять число крестьян, участвовавших в реформе, нормированное на их посевную площадь, и пытаться установить связь этого показателя с урожайностью, то смешиваются два типа связей: с одной стороны, урожайность и активность реформы, с другой стороны, урожайность и размер посевной площади крестьян, участвовавших в реформе. Таким образом, правомерность нормирования дворов на посевную площадь для решения поставленных задач вызывает большие сомнения. Возможно, полученный Маркевичем и Костаньедой Дауэром противоречивый результат связан с указанным обстоятельством.

Неудовлетворенность имеющимися результатами стимулирует новые подсчеты. Для тестирования связи тенденций зернового производства с реформой мы использовали коэффициент парной корреляции Пирсона и следующие показатели, характеризующие ход реформы в губерниях Европейской России:

1) Процент домохозяев, укрепивших землю в личную собственность (с 09.11.1906 по 01.05.1915), от числа владеющих землей на общинном праве, взятый из сведений МВД⁶. В подсчетах по этому показателю не участвуют губернии Архангельская, Виленская, Волынская, Гродненская, Донская область, Ковенская, Минская, Подольская.

2) Доля владельцев хуторов и отрубов, созданных на надельных землях за десятилетие (1907–1916), от общего числа крестьянских дворов по переписи 1905 года. Данные по числу хуторов и отрубов заимствованы у П. Н. Першина, который к последним официально опубликованным отчетам ГУЗиЗ добавил неопубликованные цифры за 1916 год (Першин, 1922). Число крестьянских дворов в 1905 году (без казаков) приводилось С. М. Дубровским (Дубровский, 1963: приложение 1). Число хуторов и отрубов взято накопленным итогом, в который включены данные за 1914–1916 годы, не вошедшие в наши подсчеты урожаяев, однако пролонгация не искажает тенденции в процессах землеустройства, наметившиеся в губерниях до 1914 года. Между 1905 и 1916 годами общее количество крестьянских дворов увеличилось, однако не существует возможности соотнести ежегодные изменения количества дворов в каждой губернии с количеством ежегодно возникавших там ху-

6. Статистический ежегодник России: 1915 год. Пг.: Изд. ЦСК, 1916. Раздел 6. С. 1.

торов и отрубов. Мы также не стали соотносить численность хуторов и отрубов на наделных землях с числом хозяйств по сельскохозяйственной переписи 1916 года, поскольку использованная в ней категория «хозяйства крестьянского типа» не тождественна понятию крестьянского двора на наделных землях. Наши цифры несколько завышают долю хуторян и отрубников к концу реформы, но, думается, не дают существенных искажений пропорции между губерниями по этому показателю. Отсутствуют данные по губерниям Гродненской, Ковенской и Оренбургской.

3) Доля дворов, получивших землеустройство в общинное (общественное) владение от общего числа домохозяев, получивших утвержденное землеустройство за 1907–1914 годы. Эти цифры отражают ту часть землеустроительных работ, которая не касалась индивидуализации землепользования. Подсчитано по сведениям ГУЗиЗ⁷; нет данных по Оренбургской губернии.

Отметим, что все сведения по землеустройству подавались местными землеустроительными комиссиями ГУЗиЗ, данные по укреплению наделов собирались МВД, и эти статистики не были связаны ни между собой, ни с системой собирания сведений об урожаях ЦСК.

Коэффициенты корреляции между тремя нашими показателями реформы оказались значимыми. Процент дворов, укрепивших надел в собственность, положительно коррелирует с долей владельцев хуторов и отрубов (0,58): в губерниях, где общинники активнее оформляли землю в собственность, крестьяне чаще переходили на отруба и хутора. Доля дворов, получивших землеустройство при сохранении общинной собственности, отрицательно коррелирует с двумя другими переменными: и с процентом укрепивших надел (-0,56) и с долей хуторян/отрубников (-0,64).

В качестве показателей состояния и сдвигов в сельскохозяйственном производстве губерний были выбраны следующие:

4) Прирост среднегодовой чистой урожайности на наделных землях за 1900/1904–1909/1913 годы.

5) Прирост среднегодовой чистой урожайности на наделных землях за 1893/1897–1900/1904 годы.

6) Прирост среднегодового чистого сбора за 1900/1904–1909/1913 годы, рассчитанный не по наделным землям, а по губерниям в целом.

7) Чистая урожайность на наделных землях в 1909–1913 годах.

8) Чистая урожайность на наделных землях в 1900–1904 годах.

Сельское хозяйство не сводится к зерновому производству, хотя оно и было ведущей отраслью сельского хозяйства России.

7. Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1915 г. Пг.: ГУЗиЗ, 1915. Ч. Б. С. 8–11.

Оценка сдвигов, произошедших за годы реформы в других отраслях, в погубернском разрезе, является более трудной задачей, требующей отдельной работы. Для кануна Первой мировой войны можно использовать погубернские оценки валового сельскохозяйственного дохода, дифференцированного по отраслям, которые сделал Г. А. Студенский в середине 1920-х годов. Им же сделаны приблизительные расчеты товарности сельского хозяйства. Из его работы (Студенский, 1925: 202, 212) мы заимствуем еще три показателя:

9) Годовой валовой доход от незерновых отраслей растениеводства (корнеклубни, технические культуры, овощи и фрукты, сено) на десятину сельскохозяйственной площади.

10) Годовой валовой доход от животноводства (производство молока, птицеводство, выращивание крупного рогатого скота, овцеводство, свиноводство, коневодство) на десятину сельскохозяйственной площади.

11) Полное рыночное отчуждение сельскохозяйственной продукции на десятину сельскохозяйственной площади.

Студенский делал стоимостные оценки в расчете и на десятину, и на душу сельского населения, однако поскольку в нашей работе сдвиги в зерновом производстве характеризуются урожайностью, а не душевым производством, мы взяли для своих подсчетов только его подесятинные данные. Все они в силу состояния источниковой базы приблизительны, относятся к периоду столыпинской реформы без четкой датировки, и у нас нет динамики по этим показателям. Тем не менее данные Студенского важны, так как позволяют расширить рамки нашего анализа, включив в него сельское хозяйство помимо хлебного производства и фактор товарности сельскохозяйственной продукции.

Для оценки рыночной конъюнктуры зернового производства введем еще два показателя:

12) Осенние цены на хлеб в 1909–1913 годах.

13) Осенние цены на хлеб в 1900–1904 годах. Средневзвешенные губернские цены (в копейках серебром за пуд) подсчитаны нами по чистым губернским сборам указанных пяти хлебов. Источник осенних цен — данные ГУЗиЗ по изданию «...Год в сельскохозяйственном отношении».

Значения всех переменных собраны в Приложении.

В отличие от предшественников, мы учли, что некоторые тенденции сельского хозяйства имеют выраженную региональную специфику, поэтому губернии были разбиты на два макрорегиона — нетто-импортеров и нетто-экспортеров хлебов. За основу деления взяты расчеты А. Н. Челинцева по губернскому балансу ввоза/вывоза хлебных грузов за 1907–1910 годы (Челинцев, 1928: 218). Соответственно, все коэффициенты корреляции подсчитаны в трех вариантах: для 47 губерний (А) и отдельно для 21 потребляющей (Б) и 26 производящих (В) губерний.

ИСТОРИЯ

Полученные значения коэффициентов даны в таблице 6. Приводим усеченный вариант таблицы, где показана лишь корреляция показателей реформы (1–3) с показателями аграрного развития (4–13) без их корреляции между собой.

Таблица 6. Коэффициенты корреляции с показателями реформы

		4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	A	0,38	0,05	0,44	0,25	0,07	0,02	0,15	0,50	-0,05	-0,06
	Б	0,33	0,38	0,10	0,02	-0,13	0,56	0,60	0,32	-0,24	-0,30
	B	0,53	-0,17	0,52	0,22	-0,04	-0,04	-0,09	0,56	0,66	0,66
2	A	0,52	-0,28	0,53	-0,08	-0,31	0,03	0,11	0,55	0,15	0,13
	Б	0,48	-0,05	0,28	-0,05	-0,31	0,50	0,64	0,70	0,04	0,01
	B	0,59	-0,45	0,66	-0,17	-0,46	-0,31	-0,45	0,41	0,56	0,53
3	A	-0,61	0,09	-0,57	-0,25	0,05	-0,19	-0,41	-0,51	-0,01	-0,05
	Б	-0,54	-0,01	-0,48	0,04	0,34	-0,61	-0,70	-0,37	0,22	0,16
	B	-0,77	0,23	-0,64	-0,36	0,04	0,03	-0,13	-0,61	-0,73	-0,75

Наши переменные в целом не демонстрируют высокой степени корреляции, статистически значимые величины по всем губерниям (А) располагаются в диапазоне 0,31–0,64. Это должно предостеречь от категоричности выводов. Тем не менее некоторые общие очертания проступают с достаточной ясностью.

Можно говорить о наличии значимой положительной связи между успехами реформы в индивидуализации землевладения и землепользования и ростом урожайности на надельных землях. Прирост урожайности в период реформы (4), хотя и в слабой степени, но — вопреки выводу Маркевича и Костаньеды Дауэра — положительно коррелирует с процентом укрепивших надел (1). Его связь с долей владельцев хуторов и отрубов (2) теснее. С землеустройством без создания единоличных хозяйств (3) рост урожайности (4) имеет отрицательную связь, причем более выраженную. Следовательно, в тех губерниях, где активнее происходили выходы крестьян из общины и особенно где активнее появлялись хутора и отруба, в среднем сильнее выросла урожайность, а те губернии, в которых преобладало групповое землеустройство с сохранением общинного землевладения, скорее оказывались с малым или отрицательным приростом урожайности.

Как мы уже выяснили, между приростами урожайности двух периодов (4) и (5) корреляции нет (см. табл. 5), поэтому естественно, что «прошлый» прирост урожайности (5) не коррелирует с показателями столыпинской реформы на общероссийском уровне.

Прирост чистых сборов в губерниях (6) — вопреки заключению Нефедова — коррелирует с показателями реформы аналогич-

но приросту урожайности того же периода: где выше индивидуализация землевладения (1) и землепользования (2), там с большей вероятностью встречается больший прирост урожаев. Однако эти корреляции, проявившиеся на общероссийском уровне (А), отсутствуют для хлебопотребляющих губерний (6 — 1Б, 6 — 2Б), зато сильнее выражены для хлебопроизводящих (6 — 1В, 6 — 2В). При этом с землеустройством при сохранении общины (3) имеются отрицательные коэффициенты корреляции во всех трех вариантах (А, Б, В): где выше его доля — ниже прирост урожаев.

С уровнем урожайности в лучшие годы реформы (7) показатели реформы не демонстрируют корреляции, кроме слабоотрицательной с общинным землеустройством в производящих губерниях (7 — 3В). При этом уровень урожайности до реформы (8) показал слабовыраженные отрицательные связи с созданием хуторов и отрубов в период реформы (2): крестьяне несколько активнее стремились к хуторам и отрубам в период реформы в тех губерниях, где до реформы была ниже урожайность, а где выше — менее активно.

Показатели доходности десятины от незерновых отраслей сельского хозяйства (9) и (10) коррелируют с реформой односторонне в потребляющих губерниях: там, где был больший процент выходов из общины (1Б) и созданных единоличных хозяйств (2Б), оказалась большая доходность земли от незернового земледелия (9) и/или большая доходность от животноводства (10). В тех губерниях, где преобладало землеустройство без создания единоличных хозяйств (3Б), оказалась меньшая доходность незерновых отраслей. Причем для доходности земли от животноводства эта связь проявилась и на общероссийском уровне (10 — 3А). Характерно, что с долей единоличных хозяйств в хлебопроизводящих губерниях оба показателя имеют значимые отрицательные связи (9 — 2В; 10 — 2В), то есть чем выше процент хуторов и отрубов в черноземной губернии, тем меньше в ней доход от незерновых отраслей.

Все эти корреляции представляются закономерными, если предположить, что величина дохода от незерновых отраслей во многом отражает специализацию сельского хозяйства, которая конфликтовала с зерновой ориентацией хозяйства. Так, специализация на выращивании технических или кормовых культур уводила хлебное производство на второй план. Содержание многочисленного поголовья скота и производство больших объемов животноводческой продукции в черноземных губерниях зачастую означало большую роль экстенсивного пастбищного скотоводства, которое альтернативно зерновому хозяйству и его интенсификации. Тогда, если индивидуализация землепользования в хлебопроизводящих районах, как мы уже выяснили, была связана с прогрессом урожайности (2В — 4) и урожаев (2В — 6) зерновых культур, то логично, что она происходила менее активно там, где была сильнее роль незерновых направлений (2В — 9; 2В — 10). Следовательно, установленный выше факт отсутствия связи прироста урожаев с ходом реформы

в хлебопотребляющих районах (1В — 6; 2В — 6) также указывает на наличие отраслевой специализации. В Нечерноземье прогресс сельского хозяйства определялся в первую очередь незерновыми отраслями, и тот факт, что производительность незерновых отраслей здесь позитивно коррелирует с ходом реформы, говорит о том, что прогресс реформы был связан с прогрессом сельского хозяйства.

Связь реформы с уровнем развития товарного сельского хозяйства можно видеть по корреляциям со стоимостью продаваемой продукции (всех отраслей в сумме) каждой десятины сельскохозяйственной площади (11). Все коэффициенты оказались значимыми. Более высокая стоимость отчуждаемой продукции связана с большей долей укрепивших наделы общинников (1 — 11) и большей долей хуторян и отрубников (2 — 11). Преобладание землеустройства при сохранении общины связано с меньшей величиной (дешевизной) отчуждаемой сельхозпродукции (3 — 11). Такой результат был ожидаемым, специалисты давно отметили общую закономерность, что районы распространения участкавого землепользования — это районы «с ярко выраженным рыночным характером производства» (Першин, 1922: 9).

Связь реформы с состоянием рыночной конъюнктуры отчасти демонстрируют корреляции с хлебными ценами. Местные осенние цены обоих периодов, как периода реформы (12), так и дореформенного (13), показали устойчивые корреляции с показателями реформы только в хлебопроизводящих губерниях: там, где цены были выше, происходило более активное укрепление наделов общинниками (1В — 12; 1В — 13) и более активный переход на хутора и отруба (2В — 12; 2В — 13), но меньше доля группового землеустройства (3В — 12; 3В — 13). Между собой ряды цен (12) и (13) имеют очень высокую корреляцию (0,97), что объясняет устойчивость связей других показателей с обоими рядами. В частности, их корреляции с приростом урожайности периода реформы (4) в производящих губерниях составили 0,75 и 0,72 соответственно (в таблицу 6 не включены), то есть там, где выше был уровень хлебных цен, как правило, большим оказывался прирост урожайности в период реформы.

Характерно, что по хлебопотребляющим губерниям хлебные цены не коррелируют ни с показателями реформы, ни с урожайностью. Это не удивительно, ибо высокая ценовая конъюнктура для производителей товарного зерна служит стимулом расширения производства, тогда как в потребляющих регионах высокие цены скорее стимулируют ввоз, чем рост внутреннего производства. Рыночную конъюнктуру хлебопотребляющих губерний, очевидно, надо исследовать посредством цен их товарной продукции, а не зерновых. Это задача на перспективу.

Как известно, коэффициент корреляции показывает тесноту связи, но не причинно-следственные отношения. Наши расчеты свидетельствуют, что ход реформы был в определенной мере связан с состоянием и динамикой аграрного развития России. Активность крестьян в освоении новых институциональных условий хо-

зяйствования, созданных реформой, коррелирует с прогрессивными сдвигами и более высоким уровнем развития сельского хозяйства. Однако это может в равной степени означать и то, что реформа стимулировала прогресс хозяйства, и то, что крестьяне активнее стремились пользоваться возможностями реформы в тех районах, где существовали лучшие возможности развития, в частности, производство было более выгодным в силу благоприятной экономической конъюнктуры. Советские историки, писавшие о «попутных ветрах», прежде всего имели в виду общую повышательную конъюнктуру, наметившуюся еще с середины 1890-х годов (Анфимов, 2002: 167–168; Дубровский, 1925: 78–79; и др.). Соотношение цен отражало состояние рынков, внешних и внутренних, и складывалось в этот период благоприятно для сельского хозяйства вне зависимости от правительства Столыпина. Выявленная нами корреляционная связь успехов реформы в хлебопроизводящих губерниях с уровнем хлебных цен в них, сложившимся еще в дореформенный период, может интерпретироваться как дополнительный аргумент в пользу этой позиции. Однако более плодотворной представляется иная точка зрения. Спор о том, возникли ли позитивные сдвиги в сельском хозяйстве исключительно/преимущественно благодаря реформе, или они явились результатом обстоятельств, не связанных с реформой, не должен заслонять собой тот факт, что реформа была органична и адекватна условиям развития рыночной экономики.

Если растущая конъюнктура аграрного рынка России конца XIX — начала XX века была «попутным ветром», то столыпинская реформа дала крестьянам возможность строить лодки и поднимать паруса. Рост рынка был двигателем, приводившим в движение хозяйство. Реформа, при всей своей ограниченности (Уильямс, 2009: 263–271), создавала институты, которые содействовали более плотному подключению к рынку крестьянского сегмента сельского хозяйства. Укрепление надела в личную собственность и индивидуализация землепользования давали в руки крестьянину прежде всего новые инструменты, позволяющие более гибко приспособлять хозяйство к условиям природы и запросам рынка. У крестьян увеличивались возможности укрупнения и оптимизации своего производства, его диверсификации, а также ухода из сферы сельскохозяйственного производства или перемещения в другие регионы страны. Создаваемые реформой институты оказались востребованными, причем там, где они были более востребованы, мы, как правило, находим более сильный прогресс хозяйства. Разумеется, никакие институциональные условия, даже самые благоприятные, сами по себе не создают движения экономической деятельности, но они могут расширить границы возможностей для акторов рынка, и столыпинская реформа, несомненно, делала это.

Схлопывание внешнего рынка с началом Первой мировой войны, появление и усиление нерыночных механизмов распределения продукции, углублявшийся в ходе войны распад территориальных

связей заглушили двигатель рыночной экономики, ослабив рыночно-ориентированный сектор сельского хозяйства. Ликвидация институтов, созданных столыпинской реформой, думается, стояла в связи с этими процессами (а не только со сменой правительства в 1917 году), как и вновь возникший в крестьянской среде в ходе революции спрос на институт передельной общины. Возникшая затем система «военного коммунизма» оказалась по-своему столь же целостна и адекватна породившим ее условиям. Но в отличие от системы рыночной экономики и индивидуального хозяйствования, обеспечивавшей рост производства продукции, она оказалась способной производить лишь голод и дефицит продовольствия. В конечном счете именно этим фактом определяется наш контекст для оценки исторического значения столыпинской реформы.

Заключение

Представленные в статье расчеты и данные не претендуют на окончательность и бесспорность, но позволяют все же сформулировать ряд выводов по отношению к аграрной реформе П. А. Столыпина и некоторым положениям историографии.

1. Утверждения о том, что пик прогрессивных сдвигов был пройден сельским хозяйством России еще до реформы и что прирост сельскохозяйственной продукции в годы реформы замедлился, встречающиеся до сих пор в литературе, не соответствуют имеющимся статистическим данным.

2. Материалы обследования землеустроенных хозяйств 1913 года, широко используемые в историографии столыпинской реформы, не могут служить источником сведений об урожайности крестьянских хозяйств, оставшихся при общинном землепользовании, как и частновладельческих хозяйств, поскольку способ собирания этих сведений не известен, а их итоговые значения подсчитаны некорректно. Наша критика не касается другой информации этого ценного источника, кроме урожайных данных.

3. Важнейшей проблемой при анализе динамики урожайных данных является высокая погодная волатильность. Для сглаживания годовых колебаний в статье предложено использовать метод скользящих средних с периодом пять лет. Для решения задачи минимизации влияния природно-климатических факторов на изменение динамики в качестве объектов сравнений были выбраны пятилетние отрезки с максимальными значениями. Для выявления и измерения сдвигов, произошедших в связи с аграрной реформой, сравнивались показатели лучших пятилетий до начала реформы с показателями лучшего пятилетия периода реформы.

4. Сопоставление среднегодовых показателей урожайности статистики ЦСК за 1893–1897, 1900–1904 и 1909–1913 годы показало, что приросты чистых сборов основных зерновых культур в абсолютном

и подушевом исчислении за период реформы (1900/1904–1909/1913) не превышают значений, достигнутых в дореформенный период (1893/1897–1900/1904), но заметно более высоким оказался прирост чистой урожайности (сбор с десятины), что свидетельствует об интенсификации зернового производства в период реформы.

5. Корреляционный анализ между тремя переменными, характеризующими ход реформы в губерниях Европейской России, и рядом переменных, характеризующих уровни и прироста урожайности, урожаяев, хлебных цен, доходности земли от незерновых отраслей и товарности сельского хозяйства показал наличие значимых положительных связей (в основном средней силы и слабых) между активностью крестьян в индивидуализации землевладения (укрепление наделов общинниками) и землепользования (создание хуторов и отрубов на наделных землях) в ходе реформы с прогрессом сельского хозяйства. Связь хозяйственных показателей с пространственностью группового землеустройства при сохранении общинного землевладения оказалась отрицательной. Утверждения, сделанные в предшествующей историографии, об отсутствии связей между ходом реформы и урожаями, а также о существовании отрицательной связи между оформлением крестьянами прав собственности на землю и приростом урожайности на наделных землях не нашли подтверждения.

Реформа создавала рыночную институциональную среду для крестьянской экономики. Ее ни в коем случае нельзя назвать провальной, она была в своей основе адекватной происходившим процессам рыночной трансформации крестьянского хозяйства. Наметившиеся ранее прогрессивные процессы аграрного развития продолжались и усиливались в период реформы, и темпы роста производства, по крайней мере, главной продукции сельского хозяйства — хлебов — не падали, а рост урожайности ускорился.

Перспективы изучения истории столыпинской реформы видятся в расширении контекста долгосрочных тенденций аграрной эволюции. В частности, необходимо продолжить исследование выявленной смены тенденций в динамике урожайности по губерниям, произошедшей на рубеже XIX–XX веков. Актуальными остаются задачи углубленного исследования других отраслей сельского хозяйства, кроме зернового производства, которые хуже обеспечены историческими источниками, и включения их результатов в общий контекст аграрной истории.

Библиография

- Анфимов А. М.* (2002) П. А. Столыпин и российское крестьянство. М.: ИРИ РАН. — 300 с.
Давыдов М. А. (2016) Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте–Столыпина. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя. — 1080 с.
Данилов В. П. (1992) Аграрная реформа и аграрные революции в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия / Сост. Т. Шагин. М.: Прогресс. С. 310–322.

- Дубровский С. М. (1963). Столыпинская земельная реформа: Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века. М.: Наука. — 599 с.
- Дубровский С. М. (1925). Столыпинская реформа. Капитализация сельского хозяйства в XX веке. Л.: Прибой. — 302 с.
- Забоевкова А. С. (2013). Правовое положение наделной земли в период аграрной реформы П. А. Столыпина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 6. С. 96–103.
- Землеустроенные хозяйства (1915). Сводные данные сплошного по 12 уездам подворного обследования хозяйственных изменений в первые годы после землеустройства. Карты и диаграммы. Пг.: ГУЗиЗ.
- Зырянов П. Н. (1992). Петр Столыпин: политический портрет. М.: Высшая школа. — 159 с.
- Кимитака Мацузато (1992). Столыпинская реформа и российская агротехническая революция // Отечественная история. № 6. С. 194–200.
- Климин И. И. (2002). Столыпинская аграрная реформа и становление крестьян-собственников в России. СПб.: НИИСХ СПбГУ. — 335 с.
- Ковальченко И. Д. (1991). Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность) // История СССР. № 2. С. 52–72.
- Корелин А. П., Шацилло К. Ф. (1996). П. А. Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России // Судьбы российского крестьянства / Под ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: РГГУ. С. 7–55.
- Нефедов С. А. (2011). История России. Факторный анализ. В 2 т. Т. 2. М.: Территория будущего. — 686 с.
- Нефедов С. А. (2018). Неакадемический труд // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 10. № 1. С. 40–46.
- Нефедов С. А. (2021). К дискуссии о реформе П. А. Столыпина и уровне жизни в России в начале XX в. // Уральский исторический вестник. № 1. С. 178–184.
- Нифонтов А. С. (1974). Зерновое производство России во второй половине XIX в.: По материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России. М.: Наука. — 318 с.
- Обследование землеустроенных хозяйств (1915), произведенное в 1913 году в 12 уездах Европейской России: Сводные поездные данные. Пг.: ГУЗиЗ. — 143 с.
- Обухов В. М. (1927). Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883–1915 гг. // Влияние неурожая на народное хозяйство России. Ч. 1. М. С. 1–159.
- Першин П. Н. (1922). Участковое землепользование в России: Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907–1916 гг. и судьбы во время революции (1917–1920 гг.). М.: Новая деревня. — 52 с.
- Студенский Г. А. (1925). Очерки сельскохозяйственной экономики. М.: Изд. Центросоюза. — 383 с.
- Тюкавкин В. Г. (2001). Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли. — 304 с.
- Уильямс С. (2009). Либеральные реформы при нелиберальном режиме: Создание частной собственности в России в 1906–1915 гг. М.: ИРИСЭН; Мысль. — 332 с.
- Щагин Э. М. (2008). Очерки истории России, ее историографии и источниковедения (конец XIX — середина XX вв.). М.: ВЛАДОС. — 759 с.
- Castañeda Dower P., Markevich A. (2019) The Stolypin Reform and Agricultural Productivity in Late Imperial Russia // European Review of Economic History. Vol. 23 (3). P. 241–267. [URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2361860 (дата обращения 1.06.2021)]
- Kopsidis M., Bruisch K., Bromley D. W. (2015) Where is the backward Russian peasant? Evidence against the superiority of private farming, 1883–1913 // The Journal of Peasant Studies. Vol. 42. No. 2. P. 425–447.

Приложение к таблице 6. Значения переменных, использованных в корреляционном анализе.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Хлебопотребляющие губернии													
Архангельская	—	0,5	96,7	13,2	10,9	14,1	39,9	35,3	12,6	7,1	2,2	116,6	93,6
Астраханская	5,3	8,7	58,7	-22,3	-11,0	18,4	12,6	16,2	4,7	15,4	1,9	84,3	72,5
Виленская	—	13,4	2,4	29,8	2,0	15,8	33,5	25,8	16,3	17,5	6,9	79,8	67,9
Витебская	28,8	31,7	7,1	33,9	-7,4	31,7	30,2	22,5	21,5	20,2	11,6	83,4	67,0
Владимирская	10,1	5,6	77,2	-1,8	22,4	-2,7	33,7	34,3	14,6	11,8	3,9	86,7	64,8
Вологодская	6,5	3,5	78,8	15,3	-3,3	13,7	39,5	34,2	11,3	15,4	3,8	83,7	72,5
Гродненская	—	—	37,2	24,1	10,7	16,5	40,2	32,4	16,3	21,6	8,8	85,4	69,7
Калужская	23,6	5,9	78,0	10,8	18,9	-2,3	28,4	25,6	13,6	16,0	3,3	80,5	60,4
Костромская	9,6	3,5	70,9	11,0	-4,1	7,7	34,5	31,1	15,3	14,1	2,6	83,4	66,6
Минская	—	6,7	14,9	20,4	21,3	18,7	38,4	31,9	24,3	21,3	7,4	80,0	61,7
Могилевская	56,8	15,0	11,7	12,3	10,8	14,7	36,5	32,5	26,9	24,1	9,3	75,5	57,6
Московская	31,9	9,5	83,9	8,9	16,8	-5,3	38,0	34,9	15,1	20,7	20,9	84,2	63,1
Нижегородская	14,4	7,8	62,4	-3,2	12,8	-2,2	34,7	35,8	9,3	12,1	5,3	77,2	55,0
Новгородская	10,1	9,5	47,0	13,9	-0,9	3,9	33,9	29,8	13,9	15,6	3,2	91,8	72,9
Олонецкая	11,8	1,7	81,2	13,9	-9,2	16,2	38,0	33,4	3,3	2,3	0,3	103,0	84,9
Пермская	4,0	2,4	69,0	-0,6	-5,2	19,2	42,4	42,6	7,1	5,8	1,3	70,9	53,1

И. А. Кузнецов
 Столыпинская аграрная реформа и производительность сельского хозяйства Европейской России в конце XIX — начале XX века

Псковская	18,8	18,3	17,5	30,5	-1,8	22,9	35,2	27,0	21,7	20,1	9,9	91,8	73,1
С-Петербург- ская	10,3	31,4	20,8	20,8	8,7	6,4	42,0	34,8	16,6	19,5	24,7	102,5	80,4
Смоленская	15,8	18,1	15,4	5,8	8,8	3,2	37,3	35,2	27,5	22,1	11,2	86,7	64,1
Тверская	15,7	8,8	66,3	2,7	2,2	-2,2	34,8	33,9	21,5	14,3	7,2	84,8	65,7
Ярославская	9,6	7,1	76,9	3,7	-3,9	-9,1	40,9	39,4	21,1	15,0	12,7	80,3	61,5

Хлебопроизводящие губернии

Бессараб- ская	15,1	8,4	12,5	20,0	-13,0	28,6	42,2	35,1	3,2	12,6	17,7	78,1	62,0
Волынская	—	12,8	3,6	17,9	28,8	17,1	51,1	43,3	11,7	20,8	10,3	82,0	62,2
Воронежская	20,1	9,0	69,6	1,0	17,3	11,1	41,2	40,8	8,9	15,5	11,7	70,9	52,7
Вятская	4,9	1,0	72,6	-5,2	-12,4	-9,6	31,2	32,9	6,9	9,1	2,4	63,1	47,6
Донская область	—	9,9	47,3	14,7	-0,5	53,8	31,2	27,2	6,2	12,1	12,6	78,7	63,4
Екатерино- славская	54,1	33,4	12,0	30,2	-0,4	44,9	44,2	34,0	4,4	11,9	16,7	80,3	62,6
Казанская	8,6	5,5	85,3	-2,4	3,9	4,7	36,3	37,2	5,2	12,6	8,3	64,6	47,5
Киевская	48,6	9,2	27,2	15,3	18,8	14,1	71,0	61,5	19,7	17,5	23,2	78,0	61,2
Ковенская	—	—	0,1	23,9	10,7	28,9	46,9	37,8	12,7	19,9	16,6	81,7	67,6
Курская	43,8	8,4	39,1	5,4	26,3	8,9	47,4	45,0	17,6	16,1	13,1	70,7	52,8
Оренбургская	10,5	—	—	-16,0	6,8	18,1	23,1	27,5	3,1	5,1	3,2	66,3	52,6
Орловская	39,0	5,9	44,7	8,1	18,6	5,8	37,9	35,1	15,2	17,3	9,0	69,5	54,9
Пензенская	25,2	9,7	59,3	-2,4	10,7	6,5	40,1	41,1	8,5	12,0	9,9	65,2	46,7

Подольская	—	2,5	18,4	11,6	17,2	11,8	59,7	53,5	4,7	19,4	17,9	81,6	62,3
Полтавская	12,1	11,2	22,1	16,5	4,8	20,7	57,5	49,3	15,9	15,1	15,8	72,2	54,1
Рязанская	17,0	5,4	69,0	-6,1	20,0	-1,8	39,6	42,2	11,4	16,7	7,3	70,2	54,1
Самарская	49,4	25,9	11,3	5,2	-0,9	34,5	29,6	28,1	3,2	7,2	8,0	76,2	57,4
Саратовская	27,7	18,5	53,8	-8,8	-3,1	6,8	28,7	31,4	5,5	9,4	11,6	72,9	53,7
Симбирская	23,9	8,6	57,6	-4,4	15,9	0,3	38,3	40,0	4,1	10,0	6,8	66,9	49,4
Таврическая	63,6	32,0	19,3	23,0	-12,0	36,7	35,7	29,0	2,4	9,5	17,7	84,5	67,0
Тамбовская	24,0	6,6	59,8	-12,3	21,9	-4,7	46,3	52,8	9,4	14,8	13,5	66,0	50,9
Тульская	21,6	12,3	72,2	-5,7	23,3	-3,9	38,6	40,9	10,8	15,1	11,2	68,6	51,9
Уфимская	14,8	5,9	44,1	1,7	1,7	28,9	38,3	37,7	5,8	10,9	4,8	54,7	40,2
Харьковская	29,1	24,1	40,2	34,1	7,7	43,1	47,7	35,6	14,0	14,2	16,2	78,1	56,6
Херсонская	38,1	24,0	8,9	22,8	-19,3	31,7	35,5	28,9	6,9	10,3	20,6	78,3	64,7
Черниговская	8,5	4,0	51,2	4,4	45,0	2,3	37,6	36,0	20,2	22,2	10,2	73,2	53,7

И. А. Кузнецов
 Столыпинская аграрная реформа и производительность сельского хозяйства Европейской России в конце XIX — начале XX века

Переменные:

1. Процент домохозяев, укрепивших землю в личную собственность с 9 ноября 1906 по 1 мая 1915 года, от числа владеющих землей на общинном праве.

2. Доля владельцев хуторов и отрубов, созданных на наделных землях за 1907–1916 годы, от общего числа крестьянских дворов по переписи 1905 года (%).

3. Доля дворов, получивших землеустройство в общинное (общественное) владение от общего числа домохозяев, получивших утвержденное землеустройство за 1907–1914 годы (%).

4. Прирост среднегодовой чистой урожайности на наделных землях за 1900/1904–1909/1913 годы (%).

5. Прирост среднегодовой чистой урожайности на наделных землях за 1893/1897–1900/1904 годы (%).

6. Прирост среднегодового чистого сбора за 1900/1904–1909/1913 годы на землях всех категорий (%).

7. Чистая урожайность на наделных землях в 1909–1913 годах (пудов с десятины).

8. Чистая урожайность на наделных землях в 1900–1904 годах (пудов с десятины).

9. Годовой валовой доход от незерновых отраслей растениеводства (рублей на десятину сельскохозяйственной площади).

10. Годовой валовой доход от животноводства (рублей на десятину сельскохозяйственной площади).

11. Полное рыночное отчуждение сельскохозяйственной продукции (рублей на десятину сельскохозяйственной площади).

12. Средневзвешенные осенние цены на хлеб в 1909–1913 годах (копеек за пуд).

13. Средневзвешенные осенние цены на хлеб в 1900–1904 годах (копеек за пуд).

Источники данных указаны в тексте.

Stolypin agrarian reform and agricultural productivity of European Russia in the late 19th — early 20th century

Igor A. Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571 Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: repytwd68@mail.ru

Abstract. The author considers the links between measures of the Stolypin agrarian reform and indicators of the Russian agricultural development based on various statistical data: statistics of yields (Central Statistical Committee), statistics of grain prices and land management (Main Directorate of Land Management and Agriculture), data of the Ministry of Internal Affairs on peasant exits from the community, data from the survey of farms and allotments conducted by the GUZiZ in 1913. The author also uses data on the income from non-grain crops and animal husbandry, and on the cost of commercial outputs per unit of agricultural land on the eve of the First World War. Based on the analysis of statistics, the author refutes the idea that agriculture had passed the peak of progressive shifts before the reform and that the growth of agricultural production slowed down under the reform. The author reveals mistakes in the 1913 survey of yields, which makes its data invalid for studying the ratio of yields by farm type; uses the moving average method to smooth out annual fluctuations in the CSC statistics of yields; compares the indicators of the best five years before the reform with the indicators of the best five years of the reform to minimize the influence of weather fluctuations on the measurement of the grain production dynamics; calculates the shifts in yields of major crops; with the correlation analysis, identifies the relationship between shifts in yields and productivity for the selected periods under the Stolypin reform in 47 provinces of European Russia; studies the links of the reform with other indicators of the agrarian development; proves the significant positive links (mainly of medium strength and weak) between the peasant activity in the individualization of land tenure (exits from the community) and land use (farms on the allotments) under the reform, and the negative links between economic indicators and the development of group land

management within the communal land tenure. Thus, the author insists that the previous historiographic statements about the absence of links between the reform and yields, and about the negative links between the registration of peasant land ownership and the increase in yields on allotments were not confirmed.

Key words: Stolypin agrarian reform, agrarian history of Russia, agricultural statistics, productivity, land management, peasant community

References

- Anfimov A. M. (2002). *P. A. Stolypin i rossijskoe krestyanstvo* [P. A. Stolypin and Russian Peasantry], Moscow: IRI RAN.
- Davydov M. A. (2016). *Dvadsat let do Velikoj vojny: rossijskaya modernizatsiya Vitte-Stolypina* [Twenty Years before the Great War: Russian Modernization by Witte and Stolypin], Saint Petersburg: Aletya.
- Danilov V. P. (1992). Agrarnaya reforma i agrarnye revolyutsii v Rossii [Agrarian reform and agrarian revolutions in Russia]. *Veliky neznakomets. Krestyane i fermery v sovremennom mire*. Sost. T. Shanin, Moscow: Progress, pp. 310322.
- Dubrovsky S. M. (1963). *Stolypinskaya zemelnaya reforma: Iz istorii selskogo hozyajstva i krestyanstva Rossii v nachale XX veka* [Stolypin Land Reform: From the History of Agriculture and Russian Peasantry in the Early 20th Century], Moscow: Nauka.
- Dubrovsky S. M. (1925). *Stolypinskaya reforma. Kapitalizatsiya selskogo hozyajstva v XX veke* [Stolypin Reform. Capitalization of Agriculture in the 20th Century], Leningrad: Priboj.
- Zaboenkova A. S. (2013). Pravovoe polozhenie nadelnoj zemli v period agrarnoj reformy P. A. Stolypina [The legal status of allotments during the Stolypin agrarian reform]. *Vestnik Baltijskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta*, vol. 6, pp. 96–103.
- Zemleustroennye hozyajstva (1915): *Svodnye dannye sploshnogo po 12 uezdam podvornogo obsledovaniya hozyajstvennyh izmenenij v pervye gody posle zemleustrojstva. Karty i diagrammy* [Land-Managed Farms: Summary Data of the Household Survey in 12 Uyezds on the Economic Changes in the First Years after Land Management. Maps and Charts]. Petrograd: GUZiZ.
- Zyryanov P. N. (1992). *Petr Stolypin: politichesky portret* [Pyotr Stolypin: A Political Portrait], Moscow: Vysshaya shkola.
- Kimitaka Macuzato (1992). Stolypinskaya reforma i rossijskaya agrotekhnicheskaya revolyutsiya [Stolypin reform and Russian agrotechnical revolution]. *Otechestvennaya istoriya*, no 6, pp. 194–200.
- Klimin I. I. (2002). *Stolypinskaya agrarnaya reforma i stanovlenie krestyan-sobstvennikov v Rossii* [Stolypin Agrarian Reform and Formation of Peasant Landowners in Russia], Saint-Petersburg: NIISKh SPbGU.
- Kovalchenko I. D. (1991). Stolypinskaya agrarnaya reforma (mify i realnost) [Stolypin agrarian reform (myths and reality)]. *Istoriya SSSR*, no 2, pp. 52–72.
- Korelin A. P., Shatsillo K. F. (1996) P. A. Stolypin. Popytka modernizatsii selskogo hozyajstva Rossii [P. A. Stolypin. An attempt to modernize the Russian agriculture]. *Sdby rossijskogo krestyanstva*. Pod red. Yu. N. Afanasieva, Moscow: RGGU, pp. 7–55.
- Nefedov S. A. (2011). *Istoriya Rossii. Faktorny analiz* [History of Russia. Factor Analysis], vol. 2, Moscow: Territoriya budushchego.
- Nefedov S. A. (2018). Neakademichesky trud [Non-academic work]. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl*, vol. 10, no 1, pp. 40–46.
- Nefedov S. A. (2021) K diskussii o reforme P. A. Stolypina i urovne zhizni v Rossii v nachale XX v. [To the discussion on the Stolypin Reforms and living standards in Russia at the beginning of the 20th century]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, no 1, pp. 178–184.

- Nifontov A. S. (1974). *Zernovoe proizvodstvo Rossii vo vtoroj polovine XIX v.* [Grain Production in Russia in the Second Half of the 19th Century], Moscow: Nauka.
- Obsledovanie zemleustroennyh hozyajstv (1915), proizvedennoe v 1913 godu v 12 uyezdah Evropejskoj Rossii: Svodnye pouezdnye dannye* [Survey of the Land-Managed Households Conducted in 1913 in 12 Uyezds of European Russia: Summary of Data by Uyezd], Petrograd: GUZiZ.
- Obukhov V. M. (1927). Dvizhenie urozhaev zernovykh kultur v Evropejskoj Rossii v period 1883–1915 gg. [Changes in crop yields in European Russia in 1883–1915]. *Vliyanie neurozhaev na narodnoe hozyajstvo Rossii*. Ch. 1, Moscow, pp. 1–159.
- Pershin P. N. (1922). *Uchastkovoe zemlepolzovanie v Rossii: Hutora i otruba, ih rasprostranenie za desyatiletie 1907–1916 gg. i sudby vo vremya revolyutsii (1917–1920 gg.)* [Local Land Use in Russia: Farms and Allotments, Their Distribution during 1907–1916, and Their Fate during the Revolution (1917–1920)], Moscow: Novaya derevnya.
- Studensky G. A. (1925). *Ocherki selskohozyajstvennoj ekonomii* [Essays on Agricultural Economy], Moscow: Izd. Tsentrosoyuza.
- Tyukavkin V. G. (2001). *Velikorusskoe krestyanstvo i stolypinskaya agrarnaya reforma* [Great Russian Peasantry and Stolypin Agrarian Reform], Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
- Williams S. (2009). *Liberalnye reformy pri neliberalnom rezhime: Sozdanie chastnoj sobstvennosti v Rossii v 1906–1915 gg.* [Liberal Reform in an Illiberal Regime], Moscow: IRISEN; Mysl.
- Shchagin E. M. (2008). *Ocherki istorii Rossii, ee istoriografii i istochnikovedeniya (konets XIX — seredina XX vv.)* [Essays on History of Russia, Its Historiography and Source Studies (Late 19th — mid 20th Century)], Moscow: VLADOS.